

УДК 94(44).028/029

ПРОБЛЕМА СОСЛОВИЙ И СОСЛОВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы французской политической мысли в XVI в. и особенности интерпретации проблемы сословий и сословного представительства. Автор анализирует значение проблемы сословного представительства в формировании идеи народного суверенитета и идейную борьбу между тираноборцами и легитимистами, как и проблему эволюции конституционалистских идей.

Ключевые слова: политическая мысль, сословия, сословное представительство, народный суверенитет.

The Problem of Estates and Estate Representation in French Political Literature in the XVI Century

I. Ya. Yelfond

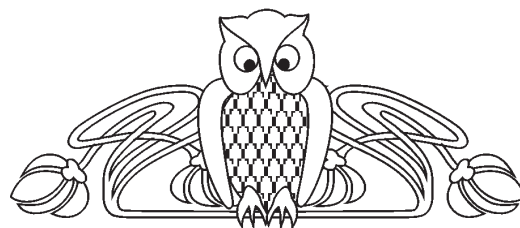
Irina Ya. Elfond, ORCID 0000-0002-8665-5926, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politehnicheskaja Str., Saratov, 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

The paper deals with problem of French political thought in XVI century France and focuses on the interpretation of the estates. The author attempts to analyse the role of estates and estate representation in forming the idea of sovereignty of the people and the ideological struggle between tyranny fighters and legitimists as well as the evolution of constitutionalism.

Key words: political thought, estates, estates representation, sovereignty of the people.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-334-342

В эпоху Средневековья деление общества на сословия, пожалуй, раньше всего установилось во Франции; естественно, что это отразилось в представлениях эпохи. Еще в IX в. монах Эмон из Осера уподобил разделение христианского сообщества на воинов, священников и земледельцев разделению Ромулом римского общества древнейших времен¹. Трехчленная формула укоренилась и была популяризована в сочинениях более позднего времени. Так, в сочинении Адальберона Ланского (ок. 1030) излагается учение о тройственной организации общества и подразделении его на три сословия (*ordines*) в соответствии с социальными функциями и предназначением каждого из них². Классические *oratores*, *pugnatores* и *laboratores* в дальнейшем юридически оформились в три сословия, что нашло свое отражение не только в политической

мысли, но и в праве. В массовых представлениях Средневековья общество состояло из духовенства, дворянства и третьего сословия. Развитие французского средневекового общества, однако, привело к тому, что в рамках этих сословий выделяются все новые социальные группы: третье сословие, чем дальше, тем больше понималось, прежде всего, как совокупность лиц, облагаемых налогами, т. е. в него входили не только крестьяне. Со времени оформления аппарата управления все более отчетливо выделяется как особая группа – чиновничество, впоследствии известная как «дворянство мантии». Аноблирование и все более усложнявшаяся структура городского населения, однако, не меняли утвердившуюся систему сословий, тем более что появление и развитие сословного представительства (Генеральных Штатов) окончательно ее закрепило.

Проблема сословий, их прав, характера представительства, его политического значения играла большую роль в развитии политической мысли Средневековья особенно в XV веке. С XVI в. в связи с развитием абсолютизма падает значение Генеральных Штатов, но учение о сословиях и их представительстве сохраняет свое значение в политической идеологии XVI в., в особенности в периоды политической конфронтации и появления идейной оппозиции монархии в ходе гражданских войн XVI века³. Тираноборцы, а затем и их оппоненты – защитники абсолютной монархии использовали учение о сословиях для своих политических положений и аргументов.

Однако к XVI в. в связи с широким распространением политической мысли гуманизма и соответственно обращением к античным политическим учениям – от Платона и Аристотеля до Цицерона – постепенно утверждается и другое представление о социальной модели, восходящее к античной политической мысли. Античное понимание термина «народ» (*populus*) укореняется среди образованной части населения. Согласно античной модели это понятие включало плебс и знать (*nobiles*), в понятийный аппарат эпохи входят и другие античные термины, прежде всего, *optimates* и *vulgus*. Они начинают использоваться для уточнения и корректировки средневековых понятий, обозначающих социальную структуру, для более точного определения новых явлений, не вписывающихся в средневековую характеристику общества. Далекое не всегда в политических рассуждениях о народе и обществе при-

сутствуют четкие определения содержания этих терминов, да и сами политические характеристики социальной структуры.

Во Франции раннего нового времени первым к этой проблеме обратился Клод де Сейсель, выходец из Италии, в течение почти 20 лет верно служивший французской короне. Член Большого совета короля писал свое сочинение «Великая французская монархия», посвященное средневековой институциональной истории страны, по личной просьбе короля Франциска I. Анализ общественного строя Франции и характера власти, естественно, предполагал и рассмотрение истории сословий и органов сословного представительства. И хотя автор, ставший родоначальником конституционализма во Франции, выступает как последовательный сторонник наследственной монархии, он убежден, что и сословия установлены от Бога. Сейсель полагал, что власть короны должна ограничиваться религией, правосудием и политией, то есть совокупностью законов, обычаев, традиций и политических учреждений (включая органы сословного представительства), при этом считая, что реальный контроль над королевской властью должен осуществляться не органами сословного представительства (полагая, что они могут создать опасность для государства), а парламентами.

В целом Сейсель стоял на строго охранительных позициях, утверждая, что исторически сложившийся во Франции социально-политический строй наиболее соответствует французскому обществу, поскольку наилучшей формой государства считал ту, которая исторически более привычна для каждого народа. Соответственно он относился к проблеме сословий, полагая, что классическая схема идеально подходит именно для французского общества. Этим определялась его трактовка проблемы сословий и сословного представительства. Он полагал, что сословное представительство получило название (Генеральные Штаты) в связи с наличием трех сословий во Франции. Самое показательное, что Сейсель, сохраняя трехчленную схему Средневековья, наполняет ее иным содержанием. По его убеждению, «духовенство не следует считать сословием, поскольку оно представляет собой смесь выходцев из трех прочих»⁴. Сейсель, католический епископ, таким образом, вносит серьезную коррективу в средневековое понимание сословий, вызванную изменениями в социальном строе Франции. В его изображении схема сословной структуры общества выглядит следующим образом: «Первое сословие – дворянство, средний слой состоит из тех людей из народа, о которых говорят, что они являются зажиточными, последнее же сословие – это простонародье (*menu peuple*)»⁵. Самое любопытное в предложенной Сейселем схеме социальной структуры, это определение «среднего слоя». Он связывает второе сословие с юристами и городской верхуш-

кой, то есть речь идет, судя по всему, о дворянстве мантии, хотя он этот термин не употребляет. К третьему сословию гуманист относит не горожан в совокупности, а только ремесленников. В состав третьего сословия Сейсель включает также и крестьян, хотя во Франции крестьянство в Генеральных Штатах никогда не было представлено. Стабильность государства определяется существованием этих сословий, а сохранение их статуса служит препятствием для возникновения социальной борьбы: «Каждое из сословий имеет свои установленные прерогативы и пока они существуют, ни одно из них не может низвергнуть другое, а все три вместе не могут составить заговор против короля и монархии»⁶. Подобная структура определяет трактовку роли и значения сословного представительства. По его убеждению, сам этот политический орган достоин восхищения; значение сословного представительства Сейсель усматривает в очень необычной главной функции: он считает его цементирующим фактором в обществе: Генеральные Штаты должны служить «для установления гармонии между всеми сословиями»⁷. В свою очередь, факт наличия гармонии между сословиями служит безопасности государства: «не вызывает сомнений, что государство трудно уничтожить до тех пор, пока в нем сохраняется законное право и достоинство каждого сословия»⁸.

Учение Сейселя активно использовалось во второй половине века – в период становления и развития тираноборчества. Идеологи этого направления отталкивались от конституционалистских идей Сейселя, делая более радикальные выводы. Они пропагандировали учение о правах сословий и народа, реализуемых в органах сословного представительства, и переходили к идеям народного суверенитета, воплощавшегося в их представлении в органах сословного представительства, отсюда стремление доказать историческую значимость этого институционального явления.

Во «Франкогаллии» (принадлежавшей перу ведущего теоретика французского тираноборчества Ф. Отмана), ставшей политической программой протестантской партии и ведущим политическим сочинением тираноборчества, отчетливо изложено именно такое понимание исторической роли сословий и органов сословного представительства. До этого Отман обращался к проблеме сословий во Франции как юрист, но у него отсутствует трехчленная формула сословной организации общества. Он проводит иное различие, выделяя два сословия из трех: «у нас одни люди являются знатными (*nobiles*), другие же – выходцами из простого народа (*roturier*)»⁹. Само понятие *roturier* в юридической и политической литературе данной эпохи понимается как совокупность неблагородных слоев общества, тем более что для простого народа чаще использовался термин *menu peuple*. Народом (*peuple*)

же Отман считал совокупность *roturier* и дворянства, то есть он стоял ближе к гуманистической схеме структуры общества, меняет античные термины на современные ему. Картина социальной структуры французского общества, данная им, значительно отличается от обычной средневековой схемы. Он проводит главное различие по принципу личной свободы: «имеется различие между теми, кто наделен свободой, и теми, кто пребывает в статусе серва»¹⁰. Часть лично свободного населения вместе с зависимым населением составляет простой народ (*menu peuple*), который в социальной иерархии находится ниже прочих. Внутри дворянства он выделяет вассалов и сеньоров, «одни у нас являются феодальными сеньорами, другие же вассалами»¹¹. По сути, эта структура достаточно далеко ушла от средневековой системы трех сословий.

Во «Франкогаллии» Отмана предметом исследования и мифологизации становится, прежде всего, история государственных учреждений страны. Но институциональная история интерпретируется своеобразно: Отман развивает два основных положения, доказывая существование электоральной центральной власти со времен легендарных королей и до Людовика XI включительно и господство принципа народного суверенитета со времен древней Галлии. Реализацию принципа народного суверенитета Отман связывал с деятельностью органов сословного представительства. История сословий связана, прежде всего, с трактовкой понятия сословного представительства. Именно в этом труде была детально изложена концепция народного суверенитета, верховная власть не просто принадлежала народу, но нашла свое воплощение в функционировании органов народного представительства и праве низложения и возведения на престол монархов. Сословное представительство при этом раздвигалось во временных рамках, возводилось к истории франков раннего Средневековья. Тем самым доказывалась и извечность существования во Франции сословной системы.

Историческое доказательство якобы существовавшего у франков народного суверенитета Отман усматривал, прежде всего, в праве распоряжаться престолом и его передачей. Он стремится доказать существование принципа выборности королей в эпоху Меровингов и Каролингов, отмечая все, что противоречит его генеральному тезису: «верховная власть при избрании и при низложении короля принадлежит народу», реализуется это право через его представителей. Тезис о правах народа и сословий используется Отманом для легитимации смены династий: «право народа являлось решающим не только при избрании короля, но и тогда, когда народ отвергал сыновей умершего короля и избирал на престол [лиц] из других родов, что было обычаем»¹².

Немалое значение в мифе о народном суверенитете Отмана приобретает понятие «обще-

ственного совета» (*publicum gentem consilium*) как некоего верховного органа власти. Сам термин был заимствован у Цезаря, и Отман употребляет его применительно к самым разным исторически институтам, но образ вечного народного представительства подается как нечто неизменное и постоянное, «ведь верховная власть как в том, чтобы передавать королевство, так и в том, чтобы его забирать, принадлежала собранию народа и общественному совету народа»¹³. Именно эта персонификация власти народа осуществляла управление государством; общественный совет народа идентифицировался с собранием сословий, и, по сути, для него понятия народ и сословия являются почти взаимозаменяемыми. Короли даже не могли распоряжаться владениями, так как «собственником этих владений оставался народ, и даже малая часть их не могла быть отчуждена королем без свидетельства народа, то есть без согласия сословий или общественного совета»¹⁴.

Ответ на вопрос об отношении к проблеме сословий дает трактовка Отмана самого понятия «народ» и «сословное представительство». Чрезвычайно важным для понимания его политической и идейной концепции является то, что если в своей теории народного суверенитета он отразил наиболее передовые идеи гуманистической мысли (развитой впоследствии уже в эпоху Просвещения), то в трактовке категорий «народ» и «сословия» проявил идейную близость к средневековой политической мысли, отразив взгляды на народ и абсолютную монархию дворянства, стремившегося к восстановлению своей политической самостоятельности путем возвращения к сословно-представительной монархии (а то и к феодальной раздробленности).

Показательно, что во «Франкогаллии» Отман, если и не отождествляет «народ» со знатью, дворянами, то, во всяком случае, неразрывно связывает с нею. В его концепции народ как бы делегирует «лучшим», «первым» свои права. Именно ими, «знатью и избранными, которым и предоставляет эту власть народ»¹⁵, должна контролироваться королевская власть. Реально этот контроль в представлении Ф. Отмана должны были проводить «народные собрания», «общественный совет». Под этим термином Отман понимает практически все общественные институты от Меровингских сотенных собраний до Генеральных Штатов включительно, объединяя судебные, исполнительные и консультативные органы, существовавшие с древнейших времен. Все свидетельства из ранней истории Франции служат во «Франкогаллии» генеральной идее – политическая власть в стране должна принадлежать представительству сословий. Собственно он открыто призывает к возвращению к временам прошлого и к передаче власти сословно-представительным учреждениям (которые во Франции никогда не имели подобных полномо-

чий). Практическую роль Генеральных Штатов Отман представляет многогранной, он утверждает, что организация борьбы с тираническими правителями должна принадлежать органам сословного представительства при использовании легальных способов борьбы, в частности обращений и петиций. Но наиболее важные вопросы должны рассматриваться в еще более узком кругу в совете, избранном собранием представителей сословий. Главным образом это касается вопроса о центральной власти – избрания или низложения короля, определение временного правителя. По убеждению Отмана эти вопросы могут решаться только названным советом и он является наиболее правомочным органом в государстве – вся власть «принадлежит исключительно обществу совету»¹⁶.

Уже перечень вопросов, находившихся в компетенции этого политического органа, свидетельствует о том, что его гипертрофированная роль является фантазией Отмана. Автор предельно целенаправленно создает миф о верховном коллегиальном органе власти – органе сословного представительства. В изображении Отмана «в самых общих чертах совет занимался следующими делами: во-первых, возведением на престол и низложением королей; далее, вопросами войны и мира, общественными законами, назначением на величайшие государственные должности, различными поручениями, определением части наследия детям умершего государя или установлением приданого его дочерям. Кроме того, совет занимался денежными и финансовыми делами. И наконец, всеми теми делами, которые и сейчас среди простого народа в обиходе обычно и именуется государственными делами (*negotia statuum*), поскольку на протяжении многих столетий их, как я уже сказал, не имели права решать никакие государственные ведомства или учреждения, за исключением совета сословий или их представителей»¹⁷. Мифологизация становится очевидной, когда автор наконец-то называет этот загадочный орган – Генеральные Штаты (идентифицируя его также с советом знати и курией эпохи Каролингов и даже майскими полями эпохи Меровингов). Он считает нужным уточнить свой тезис: «В позднейшие времена курия во Франции стала иногда называться курией собрания трех сословий, иногда же – курией короля Франции, а иной раз – предельно точно собранием сословий». Отман определяет и характер формирования этого сословного представительства, отмечая выборный характер представительства и наличие опыта у избираемых: «некие испытанные люди должны были быть избраны от каждого сословия, чтобы восстановить порядок в государстве и обеспечить правосудие и справедливость»¹⁸.

Приписывая сословному представительству во Франции исключительные права (как известно, Генеральные Штаты могли заниматься

только обсуждением налогообложения), Отман уже не мифологизирует историю, а рисует свой политический идеал, суть которого сводится к торжеству идеи конституционализма; власть короны должна быть ограничена либо законом, либо сословным представительством. Сословному представительству придавалось уникальное политическое значение и, следовательно, сословия имелись на всех этапах исторического развития французского государства. Иногда образ этого института усложняется: речь идет уже о двух политических органах, и суверенитет находил свое воплощение не только в деятельности общественного совета народа, но одновременно и в собрании сословий: «хотя высшая власть и выбор при переходе короны принадлежали собранию сословий и обществу совету всего народа»¹⁹.

Отман последовательно проводит свой излюбленный политический тезис, подгоняя и даже подтасовывая исторические факты; он прямо заявляет, что принцип народного суверенитета нашел воплощение в деятельности органов сословного представительства. По его убеждению, «верховная государственная власть в королевстве Франкогаллии принадлежала обществу совету (*publicum gentem consilium*), который в более поздние времена стал называться собранием трех сословий»²⁰. При этом постоянно оговаривается наличие древней традиции (которая возводится к временам, когда эти сословия не сложились). По мнению Отмана, решение важнейших государственных дел отдавалось на усмотрение мифического совета народа: «полная власть в решении этих дел принадлежала обществу совету народа и сословий»²¹.

Фактически Отман передавал и законодательную и исполнительную власть сословному представительству, считая это обстоятельство гарантией стабильного существования государства: «наши предки... строго соблюдали прекрасный принцип «Благо народа – вот высший закон», отдав и препоручив все политическое руководство государством в распоряжение собрания сословий»²². Более того, читателям настойчиво внедрялась в сознание мысль о том, что сословное представительство извечно. Автор последовательно пытается доказать, что существовала супрематия власти общественного собрания, и короли покорно склонялись перед этим порядком: «на протяжении более чем пятисот пятидесяти лет суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа или, как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов, что это установление наших предков соблюдалось как нечто священное на протяжении столь длительного времени»²³. Этот тезис Отману был очень дорог, он неоднократно его повторяет. При этом политик полагает, что «разделение общества на три сословия не следует считать описанием обычных основ общества»,

но должно рассматривать совместно с деятельностью общественного совета народа («поэтому совет обычно и называют советом трех сословий»). Тем самым Отман идентифицирует свой общественный совет народа с сословно-представительным учреждением, Генеральными Штатами. Эта идея сочетается с учением о смешанном государстве, поскольку автор соотносит каждое сословие с одной из форм государства (монархией, аристократией и демократией). Отман открыто утверждает не только принадлежность верховной власти народу и его представителям, но и существование этого порядка со времен галлов: «Наши предки при создании государства установили, что государство будет управляться общим собранием всех сословий»²⁴. При этом не всегда четко проводится разница между понятиями «сословие» и «народ». Согласно Отману, исторически существовали советы разных социальных групп (еще не сословий), и при короле существовал совет знати (вероятно, имелась в виду курия). Но, уже говоря о Каролингах, Отман говорит как о едином целом – представительстве народа и сословий, дополняя эти институты еще и постоянно действующим советом знати (*nobilitas*), то есть употребляет тот же самый термин, что и для обозначения второго сословия – дворянства: «на совет знати было призвано собрание народа и сословий»²⁵. Именно это представительство и занималось в период кризиса государственными делами: «суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа, или как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов»²⁶. Наличие сословий и их представительного органа Отман приписывает не только франкам, но и другим германским народам: «Из сочинений всех наших историков, а также и германских историков, становится совершенно очевидно, что та же власть сословий или штатов полностью сохранялась»²⁷.

Но при этом протестант Отман не может согласиться с тем, что первым сословием считается католическое духовенство, и здесь он идет на очень странные доказательства, игнорируя всякое соответствие исторической правде. Согласно «Франкогаллии», во Франции «существовал старинный обычай (возникший после того, как предельно возросло могущество духовенства) разделять население на три сословия, духовенство добилось того, чтобы считаться первым из них». Но по идее автора, членение общества на три сословия относится еще ко временам древней Галлии, которая начала христианизоваться где-то в третьем веке нашей эры, а Хлодвиг крестил франков еще позже. Все это изобреталось ради того, чтобы отрицать статус духовенства как первого сословия и доказать, что в приходе к власти Каролингов церковь не играла никакой роли, а потому «Пипин вовсе не был поставлен королем папой, но был избран народом, его представителями и сословиями»²⁸.

Отман объявляет вне сферы компетенции короля все важнейшие государственные дела, об этом свидетельствует развернутое перечисление вопросов, которые решаются «общественным советом»; их «не могли решать никакие государственные ведомства или учреждения за исключением совета сословий или их представителей»²⁹. Стройная система ограничения решений монарха просто высосана из пальца, никаких исторических и юридических подтверждений невозможно найти в источниках по истории Франции, но наукообразная форма этих заявлений (а Отман был неплохим юристом) убеждала малосведущих в институциональной истории страны читателей в наличии этой «узды». Такое повышение роли и значения органов сословного представительства, естественно, означало и определенное отношение к исторической значимости самих сословий.

Таким образом, принципиально новое положение о народном суверенитете у родоначальника этой теории превращается в защиту средневековой традиции. Он даже рискует еще больше сузить свое понимание категории «народ», заявляя, что права собрания сословий сближаются с правами принцев крови. От античного и гуманистического понимания этой категории как совокупности граждан Отман перешел по сути дела к отождествлению его с дворянством и верхушкой третьего сословия.

К концу гражданских войн, когда протестантские идеологи активно пропагандируют возвращение к традиционному положению дел, появляются и новые обращения к народу, где речь идет о каждом из трех сословий по отдельности, но можно при этом заметить, что выделяются все новые и новые социальные группы внутри этих сословий. В этом отношении показательно знаменитое воззвание короля Наваррского к Генеральным Штатам в Блуа (март 1589). Он обращается к ним именно как к «представителям трех сословий», но в самом тексте идет более дифференцированное структурирование французского общества. Автор возвания (Ф. Дюплесси-Морнэ) декларирует эти новации достаточно четко. От имени своего монарха он обращается «ко всем жителям страны» и заявляет: «Я взываю к нашему дворянству, духовенству, городам, народу»³⁰. Уже здесь показательны два момента – во-первых, первым называется второе сословие – дворянство, а не духовенство, что явно обусловлено ситуацией. Но более существенно, что третье сословие дифференцировано – автор возвания разделяет его на города и народ. Он рисует мрачные перспективы для каждого из сословий, начиная с дворянства. Показательно, что особое внимание уделяется перспективам третьего сословия – горожан, которые в представлении автора оказываются между двумя опасностями – насилия со стороны дворянства и грабежа со стороны жителей деревень, в случае если существующий порядок (*ordre*) из-

менится. Характерно, что при формальном следовании традиционному членению на сословия в обращении к третьему сословию не только противопоставляются горожане и крестьянство, но выделяется еще одна социальная группа: Ф. Дюплесси-Морнэ говорит о главных жителях (*principaux habitantants*). Из его детального описания печальных судеб этой группы в случае наступления политической анархии можно сделать вывод, что речь идет в целом о зажиточной части городского населения, куда автор включает и чиновничество, лиц, которые «занимают в монархии должности в финансовом и судебном ведомстве, в полиции и армии»³¹. Он особо говорит о необходимости охраны этого слоя со стороны власти, ставя вопросы: «кто предоставит свободную возможность торговли, кто станет гарантировать покой в земельных владениях?»³².

Особое место в рассуждениях о сословиях занимает народ. Народ (*peuple*) как термин уже употребляется даже не ко всем представителям третьего сословия, а применительно к сельскому населению. Народ (совокупность тружеников) – это единственный социальный слой, который получает от автора порцию комплиментов; их ни одно другое сословие не удостоилось, поскольку «народ – житница королевства, плодородное поле государства, труд его кормит государей, пот его их поит, ремесло его содержит их, труды дают возможность наслаждения для государей»³³. Автор подчеркивает, по сути, бесправие этого сословия.

Активная позиция тираноборцев вынудила и защитников абсолютизма в поисках аргументов, опровергающих тираноборческие построения, обратиться к проблеме сословий. Еще канцлер М. де Лопиталь рассматривал сословно-представительные учреждения как важнейший орган, ограничивающий власть государя: «Именно они (Генеральные Штаты) удерживают государей от слишком тяжелого обременения народа и предельного гнета при введении новых налогов, осуществления чрезмерных грандиозных расходов, а также и от назначения на должность судей скверных людей, передачи недостойным лицам епископств и аббатств, а также и от всех других нескончаемых бедствий»³⁴. Сословно-представительному учреждению также приписывается функция контроля и расследования всех злоупотреблений: «Государи могут узнать обо всем только, когда они проводят штаты»³⁵. Канцлер не утверждает, что сословное представительство наделено какими-либо экстраординарными полномочиями, в конце концов, свои воззрения на сословное представительство он излагает как раз в речи на торжественном открытии Генеральных Штатов.

Но в дальнейшем подходы и решения к проблеме сословий могли отличаться новизной. Так, совершенно нетрадиционно решение проблемы сословий знаменитым историком-эру-

дитом Э. Пакье. Его концепция общественного устройства представляет собой некий синтез из гуманистических представлений и традиционной трехчленной схемы. Хотя он и не принимает положения тираноборцев, но разделяет их точку зрения относительно древности существования трех сословий во Франции, относя их возникновение ко временам древней Галлии. Э. Пакье в новых расширенных изданиях своих, «Рассуждений о Франции», также посвященных старинным учреждениям, уже на первой странице отмечает, что уже в галльском обществе «существовало разделение на сословия – знать (*noblesse*), духовенство (*prêtres*), которое тогда называлось друидами и простой народ (*menu peuple*)»³⁶. Различия между ними определены социальными функциями: знать участвовала в войнах, жрецы отправляли религиозные обряды, простой народ трудился. Пакье подчеркивал близость французской сословной структуры общества древнегалльской, полагая, что такая структура соответствует божественным законам и естественному праву, поскольку все эти сословия состоят из свободных людей. Несвободное состояние он связывал с рецепцией римского права. Но, по мнению историка, только в свободном обществе может быть нормальное государство. В то же время подобное государство обязательно должно строиться на сословной системе: «в правильно организованном государстве сословия необходимы друг другу»³⁷.

Таким образом, в представлении Пакье, сословия не противостоят, но как бы дополняют друг друга. Но гуманист проводит разделение общества на благородных и неблагородных (*roturiers*): «у нас осуществляется четкое разделение по сословиям: одни называются дворянами и они являются лицами благородного сословия, другие же – вилланами, и они находятся на положении лиц неблагородного состояния, поскольку для них была уничтожена всякая возможность стать благородными»³⁸. Речь явно идет о горожанах, так как Пакье уточняет относительно последних: «они жили в городах, где существовали в безделье и наслаждении»³⁹. Поскольку гуманист отмечает, что горожане делали попытки незаконно присвоить себе дворянский статус, покупая фьефы, то он полагает, что принадлежность к благородному сословию должна доказываться: «всякий человек считается *roturier*, если он не докажет свое благородство, которое он приобрел либо благодаря своей шпаге, либо при помощи пера, благодаря милости и патенту государей»⁴⁰. Тем самым к благородным он относит как дворянство шпаги, так и дворянство мантии. Следует отметить, что, рассуждая о заслугах дворянства, он все-таки довольно иронично сопоставляет доблести обеих его групп: «одни отражают удары канонов и законов, другие же – подвергают себя опасности и проходят испытание картечью и канонадой»⁴¹.

Пакье также определяет критерии, по которым человек включается в то или иное сословие. Первым он, естественно, называет систему налогообложения, к двум первым сословиям относятся именно те лица, которые освобождены от уплаты налогов, к третьему – налогоплательщики: «налоги распределяются между теми людьми, которые не относятся к благородному сословию»⁴². Вторым критерием принадлежности к конкретному сословию Пакье определяет характер труда, считая, что труд – обязанность неблагородных членов общества: «во всех государствах торговля и ремесло развиваются среди простого народа»⁴³. Очень важно, что он отмечает недопустимость обращения выходцев из дворянства к торговле, ремеслу, банковскому делу и не потому, что эти занятия недостойны благородных, но потому что они обращаются к этим делам «вместо того, чтобы участвовать в войне», то есть выполнять те обязанности, из-за которых они и получили привилегии. И Пакье считает вполне справедливым, что «привилегии дворянства уничтожаются для тех, кто их нарушает»⁴⁴. Анализ статуса лиц, принадлежащих к тому или иному сословию, приводит его к общему и очень значительному выводу: «я твердо убежден, что всякий человек из любого сословия, который служит добродетели и ведет безупречную жизнь, является благородным, и здесь не бывает исключений»⁴⁵.

Отказ от идеи благородства по рождению не мешает ему, анализируя историю и статус сословий, высоко оценивать роль второго сословия в истории Франции как воинов («все считают, что дворянство стоит выше всего остального народа»), но он критически оценивает роль дворянства в политической истории Франции, считая его инициатором мятежей против короны и подстрекателем народа⁴⁶. Вместе с тем он особо отмечает, что «на наших собраниях трех сословий простой народ не просто был представлен, обычно его представители составляли большую и лучшую часть этой ассамблеи»⁴⁷.

Такое понимание сословий не помешало Пакье опровергнуть точку зрения тираноборцев на историческое место и значение сословно-представительных учреждений, то есть Генеральных Штатов. По его глубокому убеждению, идейные противники просто фальсифицировали историю. Историк не только открыто полемизирует с Отманом относительно роли сословного представительства во Франции, но делает прямой выпад в адрес «Франкогаллии»: «некоторые считают, что собрания сословий играли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и видят в этих учреждениях воплощение свободы народа. Но все это не соответствует истине»⁴⁸. Пакье детально анализирует историю сословного представительства во Франции, отмечая, что первоначально короли созывали представителей сословий «в каждой из провинций,

чтобы были представлены духовенство, дворянство, представители народа, которые назывались в совокупности третьим сословием»⁴⁹. Провинциальные штаты, по мнению Пакье, созывались исключительно в случаях введения экстраординарных поборов. И только при Филиппе Красивом впервые было создано общегосударственное представительство сословий. Пакье говорит, что даже в данном случае решающую роль играли экономические вопросы, связанные с налогообложением. В принципе он подчеркивает ограниченный характер деятельности представителей сословий: «В нашей Франции никогда еще не собирались всеобщие ассамблеи трех сословий без того, чтобы увеличить содержимое казны наших государей и сократить средства народа»⁵⁰. Более того, он отвергает современные претензии Генеральных Штатов на политическую роль. По его мнению, сословное представительство в этих условиях совершенно излишне, а потому «Не нужны нам ассамблеи трех сословий для улучшения наших дел, они и сами наладятся»⁵¹. Так или иначе, но отношение к сословиям и сословному представительству у большинства легитимистки настроенных политических теоретиков, даже если они оставались на позициях конституционализма, определялось, судя по всему, полемикой с тираноборцами.

Очень показательным в этом контексте то, что величайший из политических мыслителей Франции эпохи Возрождения Жан Боден в своем трактате «О государстве», давая свою характеристику институционального устройства Франции, первоначально проблему сословий не игнорирует, но считает маловажной. В первом издании трактата «О государстве» специального раздела, посвященного проблеме сословий, нет. При анализе понятия «граждане» Боден обращает внимание на факт наличия сословий во Франции, где можно видеть: «разделение граждан на три сословия»⁵². Однако для него это является лишь одним из примеров возможной социальной структуры общества, так что французские сословия (дворянство, духовенство и народ) упомянуты среди прочих. Даже в третьей книге, посвященной различным элементам структуры государства, он больше места уделил коллегиям и корпорациям, чем сословиям и их представительству. Правда, он говорит о значении Генеральных Штатов, сословном представительстве как об обязательном условии бытия «правильного» государства и определенном гаранте его сохранения: «Если оно нуждается в сборе средств, собрании вооруженных сил, поднять государство против врагов, то это можно осуществить лишь через представительство народа, Генеральные Штаты народа, штаты отдельных провинций, каждого города, каждой коммуны»⁵³. Он подчеркивает, что сословное представительство (в его терминологии «собрание представителей народа») решает важней-

шие проблемы жизни государств, в том числе особое внимание уделяет значению связи между правителем и представителями: «Там решаются дела, касающиеся всего государства в целом и отдельных его частей; выслушиваются справедливые жалобы и слезницы бедных подданных, которые иначе никогда не достигли бы ушей государей»⁵⁴. Сдержанное отношение к сословному представительству объясняется его скрытой полемикой с тираноборцами: «иные пишут, что французское королевство сочетает все три формы государства – парламент представляет аристократию, Генеральные Штаты – демократию, король – монархию»⁵⁵. С точки зрения Бодена, это не только нарушает сам принцип суверенитета, но пропаганда самой идеи смешанного государства во Франции является «уголовным преступлением»⁵⁶. С явным раздражением он опровергает учение тираноборцев: «Какое противостояние народного суверенитета величия монарха может существовать на собрании трех сословий или даже на собрании всего народа (если такое только вообще возможно), видя, что они приближаются к монарху с прошениями, склоняются и благоговейно перед ним?»⁵⁷. И прямо выступает против самой идеи: «нет никакого народного суверенитета в собрании трех сословий, которое существует в данном королевстве»⁵⁸.

Но в латинском издании 1586 г. (доработанном и переведенном на латынь самим Боденом) в третьей книге появляется параграф «О сословиях» (*De ordinis*), где автор говорит не столько о сословиях, сколько о порядке, упорядочении структуры государства, наиболее соответствующей божественным установлениям. По мнению Бодена, порядок установлен самим Богом, расставившим каждую часть грубого хаоса в определенном порядке⁵⁹. Сословная структура становится уже сакрализованной.

В целом в политической идеологии эпохи становления абсолютной монархии и ее кризиса в период гражданских войн XVI в. проблема сословий сохраняет свое значение, но не в плоскости популяризации классической трехчленной схемы. Политические теоретики стремились, прежде всего, уточнить современную им социальную структуру общества и связать ее с традицией, усложняя характеристику социальной структуры общества и пытаясь разграничить новые социальные группы, внедряя их при этом в сословную средневековую модель. Сама проблема сословий, особенно во второй половине века, волновала политических мыслителей меньше, но одним из важнейших ключевых моментов новой политической идеологии становится проблема права сословий, и на передний план выдвигается анализ исторической роли и значения сословного представительства, которое они фактически идентифицируют с народным представительством.

Примечания

- ¹ См.: *Teiċ J.* Наследие Каролингов. М., 1993. С. 251–252.
- ² См.: *Adalberonis Carmen ad Robertus regem Francorum // Patrologia latina.* P., 1853. T. 141. Col. 781–782.
- ³ См.: *Reynolds B.* Proponents of limited Monarchy in Sixteenth Century France // *Studies in history, economics and politic law.* L., 1931. № 334. P. 6–18 ; *Church W.* Constitutional thought in Sixteenth Century France. Cambridge, 1941 ; *Franklin J.* Constitutionalism in the Sixteenth Century : Protestant Monarchomachs // *Political Theory and Social Change.* N. Y., 1967. P. 20–35 ; *Keohane N.* Claude de Seyssel and Sixteenth Century constitutionalism // *Constitutionalism.* N. Y., 1979. P. 98–150.
- ⁴ *Seyssel C. de.* La Monarchie de France. I, 13. P., 1961. P. 120.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Hotman F.* Anti-Tribonian // *Opuscules des Hotomanis.* P., 1616. P. 21.
- ¹⁰ Ibid. P. 22.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Hotman F.* Francogallia. Cambridge, 1972. P. 228.
- ¹³ Ibid. P. 246.
- ¹⁴ Ibid. P. 254.
- ¹⁵ Ibid. P. 246.
- ¹⁶ Ibid. P. 480, 516.
- ¹⁷ Ibid. P. 332.
- ¹⁸ Ibid. P. 420.
- ¹⁹ Ibid. P. 260.
- ²⁰ Ibid. P. 290.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. P. 362.
- ²³ Ibid. P. 394.
- ²⁴ Ibid. P. 302.
- ²⁵ Ibid. P. 418–420.
- ²⁶ Ibid. P. 396.
- ²⁷ Ibid. P. 390.
- ²⁸ Ibid. P. 362.
- ²⁹ Ibid. P. 350.
- ³⁰ *Duplessis-Mornay Ph.* Declaration du Roy de Navarre (1589) // *Duplessis-Mornay Ph.* Mémoires et correspondance pour servir à l'histoire de la réformation et des guerres civiles et religieuses en France sous les règnes de Charles IX, de Henri III, de Henri IV et de Louis XIII depuis l'an 1571 jusqu'en 1623. P., 1824. Vol. IV. P. 332.
- ³¹ Ibid. P. 334.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ *L'Hospital M. de.* Harangue du Chancillier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblée des États Généraux. P., 1829. P. 3.
- ³⁵ Ibid.

- ³⁶ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P., 1643. P. 1.
- ³⁷ *Pasquier E.* Le Pourparler du Prince // Les Recherches de la France. P., 1643. P. 999.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P. 48.
- ⁴⁰ Ibid. P. 47.
- ⁴¹ Ibid. P. 49.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid. P. 48.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid. P. 90.
- ⁴⁷ Ibid. P. 81.
- ⁴⁸ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P. 82.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ *Pasquier E.* Les Lettres. P., 1623. Vol. I. L. XII. Ep. 5. P. 817.
- ⁵² *Bodin J.* De la Republique les six livres. P., 1578. P. 52.
- ⁵³ Ibid. P. 348.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. P. 132.
- ⁵⁷ Ibid. P. 183.
- ⁵⁸ Ibid. P. 184.
- ⁵⁹ См.: *Bodin J.* De Republica. P., 1586. P. 348.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Проблема сословий и сословного представительства во французской политической литературе XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 334–342. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-334-342.

Cite this article as:

Yelfond I. Ya. The Problem of Estates and Estate Representation in French Political Literature in the XVI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 334–342 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-334-342.
